

СЕРИЯ

РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

СЕРИЯ
РОДИНА ЗОВЁТ!

Премия им. Александра Трифоновича Твардовского

Булат Арсал

АГАПЕЯ

(военно-полевой роман)

Москва
Интернациональный Союз писателей
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А85

Продюсер проекта *Елена Кувшинова*

А85

Арсал, Булат

Агапея / Булат Арсал. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2025. — 380 с. (серия «Родина Зовёт!» премии им. А. Т. Твардовского).

ISBN 978-5-6052905-9-9

Руины Мариуполя после боёв весны двадцать второго года. Скоро возвращения к мирному довоенному благополучию не предвидится. Вокруг идут бои, рушатся города и человеческие судьбы, смерть смотрит в глаза каждому. Трудно себе представить, что в этих условиях люди способны обнаруживать в себе любовь, дающую надежду на счастливое избавление от ужасов войны.

Главные герои ищут себя и своё место в хаосе вооружённого конфликта, разделившего некогда единый народ, а находят любовь, веруют в неё и себя, обретают надежду на мирную жизнь.

Всем жителям Донбасса, не оставившим свой родной край в тяжёлые годы испытаний, продолжавшим жить и трудиться, любившим и создававшим семьи, рожавшим, растившим и воспитывавшим будущих достойных граждан, стоявшим насмерть с оружием в руках с самого первого дня образования Народных Республик, посвящается этот роман.

18+

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6052905-9-9

© Булат Арсал, 2025

© Интернациональный Союз писателей, 2025

*У всех нас по две жизни. Вторая
начинается, когда мы понимаем,
что у нас есть только одна.*

Конфуций

Пролог

Каждый уважающий себя житель Мариуполя знает, что их приморский город был образован во второй половине восемнадцатого века переселёнными из Крыма православными греками. Однако многие неместные ошибочно полагают, что название города переводится с того же греческого языка как «город у моря». На самом деле Мариуполь был назван в честь Марии Фёдоровны, супруги императора Павла Первого.

Город за долгую историю существования пережил немало катастроф и бедствий, связанных с различными войнами, которые никак не хотели обходить эту жемчужину на берегу Азовского моря. В разные времена Мариуполь захватывали интервенты и оккупанты множества иностранных мастей, грабя население и сжигая их дома. Гражданская война в начале двадцатого века тоже прошла по улицам Мариуполя, который в течение нескольких лет с большими и малыми боями переходил из рук в руки то к большевикам, то к белогвардейцам и казакам, то в распоряжение самого батьки Нестора Махно. Позже была масштабная война с немецким фашизмом, унёсшая жизни десятков тысяч горожан.

Миновали те страшные годы, город постепенно вернулся к мирной жизни, люди отстроили заводы, школы, детские сады и новые жилые кварталы. Выросло несколько поколений, никогда не видевших артиллерийских обстрелов и бомбёжек и никогда не представлявших даже во сне, что однажды Мариуполь снова будет разрушен почти

до основания, во дворах и вдоль тротуаров будут лежать десятки тысяч трупов, а цветочные клумбы, газоны и детские песочницы превратятся во временные пристанища горожан, убитых во время уличных боёв.

Летом две тысячи двадцать второго года в Мариуполе было особенно жарко, а зловонный смрад, насытивший городской воздух, никак не выветривался морским бризом, хотя гулять ветру уже не мешали некогда многоэтажные городские застройки. На их месте лежали руины и стояли чудом сохранившиеся одинокие стены домов, больше похожие на огромные дуршлаг.

Но всё же нельзя было сказать, что город вымер и не осталось в нём хотя бы намёка на жизнь. Человек так устроен, что даже в разрушенный или сгоревший дом обязательно вернётся и, если в нём ещё не умерла вера в будущее, непременно начнёт заново обустраивать уничтоженное жилище на том участке земли, который называет и по праву считает своей Родиной. Теплилась жизнь и в редких многоэтажках, устоявших во время артиллерийских обстрелов и авиационных налётов. В них не было света, газа, воды. Люди в них не то чтобы жили, но каким-то образом ютились и существовали. Иногда в уцелевшей однокомнатной квартире теснились и обитали жильцы из нескольких соседних квартир, в которых были выставлены окна или разрушена одна из наружных стен.

Готовили прямо на улице, устраивая у подъездов своеобразные мангалы, печи-барбекю, у некоторых можно было увидеть даже пузатую буржуйку. Воду подвозили военные, а разбитой деревянной мебели и дверей вместо дров в руинах соседних дворов было предостаточно.

Открывались маленькие магазинчики, где даже было электричество, питавшееся энергией от генераторов, шумно тархтевших под стенкой у входа. Улицы на окраинах были немногочисленны и даже пустынные. Однако центр города

начинал наполняться снующими или спешащими горожанами с самого утра. Кто-то бежал занять очередь за гуманитарной помощью, кому-то непременно нужно было попасть в паспортный стол и пройти обязательную фильтрацию, без которой ни о какой гуманитарке и речи не могло быть. Без такой справки на только что освобождённой территории просто жить и передвигаться было проблематично. Появились и социальные работы, за которые можно было получать ежедневно паёк в виде небольшого тормозка с крупой, консервами, минеральной водой и какими-то колбасными деликатесами. После трудового дня многие работники шли не домой, а к импровизированным рынкам вдоль тротуаров, где можно было реализовать содержимое продуктового набора за рубли или всё ещё имевшие хождение гривны.

Вот в такой Мариуполь и зашла колонна комендантской роты капитана Рагнара после кровопролитных боёв, месячного отдыха и доукомплектования в Первой Славянской гвардейской мотострелковой бригаде. Никто из бойцов и офицеров роты тогда даже представить себе не мог, что с этого и началась трогательная история очень большой любви, невольными свидетелями и участниками которой они станут.

Часть первая

ПАШКА

*Я решил, что выберу любовь.
Ненависть слишком тяжела,
чтобы её нести.*

Мартин Лютер Кинг

Глава первая

Пашка никогда не видел моря, хотя в Донецке служил уже два года и мог много раз посетить побережье где-нибудь в Седово или в Новоазовске. Не ездил он к морю, а каждый отпуск проводил в деревне под Воронежем, где жили ещё не старые родители и училась в старших классах веснушчатая сестрёнка-стрекоза.

Незадолго до начала спецоперации рядового Костина вместе с комендантской ротой перевели в «Копейку», как называли в Донбассе Первую Славянскую. В составе этой бригады и пошли они брать Мариуполь, где за неделю ожесточённых боёв потеряли более половины личного состава. Пашка остался в живых не потому, что был умелым, ловким и сильным, а просто потому, что повезло. Вот из таких «везунчиков» и сформировали уже новую роту, поставив боевую задачу: зачистить город от всего подозрительно-вражеского, диверсионно-опасного, дезертирно-мародёрского и просто бандитского элемента. Ну и, конечно, помощь местному населению никто не отменял, её командование даже приветствовало. Тем более что ещё ощущалось некое настороженное недоверие со стороны горожан, лишённых жилья, не совсем отошедших от шума артиллерийской канонады, успевших похоронить немало родственников

и близких, а также потерявших своих молодых и зрелых мужчин в боях против таких, как Пашка и его однополчане.

Место под расположение определили быстро. Знакомство командира роты капитана Рагнара с военным комендантом города сыграло на руку, и колонна, состоящая из тентованного «Урала», небольшого автобуса типа ПАЗ, нескольких выдавших виды рыдванов и драндулетов ещё советского периода, а также «колесницы» марки «Нива», умело превращённой в пулемётовоз, въехала на территорию некогда популярного санатория «Азовсталец».

Пашка наконец мог спокойно рассмотреть покрытый морем горизонт, почти безлюдную набережную, где кроме десятка чаек, стоявших по колено в воде, он разглядел трогательную престарелую пару, медленно прогуливающуюся вдоль воды и держащуюся за руки. «Вот бы и моих стариков сюда привезти», — с долей досады подумал Павел, когда услышал позади себя окрик.

— Костин, мать твою! Где ты там застрял? Успеешь ещё налюбоваться этой лужей, глаза бы мои её не видели! — гремел басом старшина с большим пузом и всегда красной рожей над двойным подбородком. — Кто за тебя твой пулемёт в оружейку сдавать будет? Пушкин?

— Лермонтов будет сдавать! Чего сразу Пушкин, Пушкин? Вы больше других писателей не знаете, что ли? — подковырнул прапорщика Пашка.

— Поговори мне тут ещё. Слушай, что старшина делает, и делай, что старшина думает. Усёк, салага? Тебе тут не май месяц. Понял глубину моих мыслей? Мотай на ус, пока я твои сопли на кулак не намотал.

— Да трудно мне в ваших парадоксальных сентенциях найти зерно разумного, как невозможно определить, где вы умничаете, а где просто бред несёте.

— Умный, да? Ну ничего, я тебе устрою промывку желудка посредством клизмы. Ты у меня голубем запоёшь, да ещё крокодильими слезами будешь полы драить каждый день, милоч.

— И где вы, товарищ прапорщик, слышали, как голуби поют? — продолжал издеваться Павел, когда к ним подошёл Рагнар.

— Костин, хватит ласы точить. Сдай оружие и пройди в казарму. Там пацаны ужас как не могут без твоей помощи кровати в два яруса расставить. Ты, говорят, в роте главный по койкам, — шутил командир, хитро улыбаясь старшине.

Прапорщик, уловив расположение капитана к себе, добавил с язвинкой:

— Иди-иди, сынок. Повышай квалификацию. А опосля зайдёшь в оружейную комнату и почистишь своего верного товарища, каким завсегда тебе является твой родимый ПКМ. Как нужно отвечать «есть» на поставленный ребром приказ?

— Есть, товарищ командир, — недовольно буркнул Пашка, козырнул правой рукой у виска и пошёл прочь от командиров выполнять задание.

— Есть-есть... На ж...пе шерсть, — громко поддел Пашку прапорщик и тут же заржал, весь сотрясаясь пухом-бочкой.

— Зря ты так с парнем, Петрович, — заговорил первым Рагнар, когда Пашка уже исчез в темноте коридора казармы. — Хороший ведь боец, из российских добровольцев. Он, между прочим, в России белый билет имел по состоянию здоровья, а вот приехал и служит, воюет отменно. Кстати, в Донбасс после второго курса пединститута приехал.